Казни греческих патриотов должны быть прекращены—таково требование миллионов советских людей!

★

ОТВЕСТИ РУКУ УБИЙЦ ОТ ГРЕЧЕСКИХ АНТИФАШИСТОВ

14 мая в Академии медицинских наук СССР состоялся митинг, в котором приняли участие выдающиеся советские ученые-медики.

Участники митинга единодушно приняли следующую резолюцию:

«Коллектив ученых Академии медицинских наук СССР с чувством глубокого возмущения и негодования узнал о беспримерных и неслыханных по своему характеру кровавых злодеяниях, совершаемых греческим монархо-фашистским правительством Софулиса—Цалдариса против лучших представителей героического греческого народа—борцов за свободную демократическую Грецию. Их с нечеловеческой жестокостью расстреливают, умерщвляют, заключают в тюрьмы и концентрационные лагери только потому, что эти лучшие сыны и дочери греческого народа в союзе со свободолюбивыми народами всего мира с оружием в руках, не щадя жизни и крови, защищали свою страну от фашистского нашествия и продолжают бороться за свободу и демократию.

От имени десятков тысяч ученых Советского Союза мы требуем немедленного прекращения кровавой расправы с греческими антифашистами—патриотами своей Родины. Мы обращаемся ко всем ученым мира и призываем организовать решительный протест против подготовляемой монархо-фашистским правительством смертной казни 1500 демократов. Мы требуем освобождения из тюрем и концентрационных лагерей всех борцов за свободу и независимость Греции.

Мы уверены, что наш призыв —спасти многострадальный греческий народ от фашистского мракобесия, от душителей и палачей —организаторов кровавой расправы с греческими патриотами—найдет горячий отклик среди ученых всего мира».

По поручению участников митинга: **Президент Академии медицинских наук СССР академик Н. Н. АНИЧКОВ, вице-президент Академии академик А. И. АБРИКОСОВ, вице-президент Академии П. А. КУПРИЯНОВ, вице-президент Академии И. В. ДАВЫДОВСКИЙ, академик секретарь Академии С. А. САРКИСОВ.**

—о—

„Нельзя больше этого терпеть!"

МЕДВЕНКА. (Наш. корр.). Около 180 колхозников и колхозниц артели им. Кирова собрались на митинг, чтобы выразить свой протест против злодейств монархо-фашистов в Греции.

— Я—вдова воина Советской Армии,—взволнованно говорила колхозница Елизавета Ченченко.—Моего мужа убили немцы, и мне больно слушать, что там, в Греции, растет число вдов и сирот, что фашисты мучают и убивают борцов за народное дело. Нельзя больше этого терпеть! Я думаю, что народы мира обуздают фашистских зверей в Греции, как проучил немецких фашистов наш советский народ.

— Они потеряли человеческий облик,—говорил инвалид Отечественной войны Николай Еременко.—Пусть скорее придет возмездие!

Многолюдные митинги прошли в колхозах Верхне-Реутчанского, Нижне-Реутчанского, Гаховского, Коммунарского и Спасского сельсоветов.

★ ★

Позор палачам!

На митинге коллектива Курского фармацевтического завода по поводу заявления Советского правительства о кровавых злодеяниях в Греции первой взяла слово стахановка стеклодувного участка т. Старикова.

— Греческое монархическое правительство навеки запятнало себя перед человечеством,—с гневом заявила она.—Оно залило кровью патриотов колыбель древней культуры, расстреляло тысячи лучших борцов и готовит убийство еще 1500 честных людей. Советский народ этого так не оставит. Мы требуем отмены смертной казни, мы требуем свободы для узников!

— Война кончилась, но в Афинах продолжается кровопролитие,—говорит стахановка картонажного участка т. Воронина.—Склоняя голову перед памятью погибших, мы поднимаем свой голос в защиту пламенных патриотов, страдающих от монархического террора.

На митинге выступили: работница фасовочного цеха т. Ветрова, начальник экспериментальной лаборатории т. Букреев, шофер т. Басов и многие другие. Они заявили решительный протест против кровавых злодеяний фашистов в Греции.

В принятой резолюции коллектив завода клеймит позором фашистских палачей и требует прекращения реакционного разгула и смертных казней в Греции.

ПОБЕДИТ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Уже длительное время с чувством возмущения и гнева следим мы за тем, что происходит в Греции. Борцы с фашизмом, самоотверженно сражавшиеся за свободу и независимость своей родины, брошены в тюрьмы и концлагери. Их обвиняют в одном — мужественной, самоотверженной борьбе против немецкого фашизма и его греческих пособников.

Обнаглевшая фашистская клика, пробравшаяся к власти с помощью английских штыков и американских долларов, ныне решается на новые тягчайшие преступления против греческого народа и возмущенной совести всего прогрессивного человечества. Тысячам антифашистов—лучшим сынам славного греческого народа—грозит смерть от кровавых рук монархо-фашистов.

Но не сломить этим людоедам гордый греческий народ!

Весь прогрессивный мир, все передовое человечество—на стороне сражающейся непокоренной Греции. Демократическая армия ведет мужественную борьбу против палачей-наймитов международного империализма и англо-американской интервенции. Кровь жертв фашизма падет на головы палачей! Победит справедливость!

Мы единодушно присоединяем свой голос к заявлению Советского правительства, выразившего чувства всего советского народа.

Жизнь и свободу узникам греческого монархо-фашизма!

Преподаватели педагогического института: Г. ГОРБУНОВ, И. БАСКЕВИЧ, В. БОНДАРЕНКО, Г. ДЕНИСЕВИЧ, А. ВЕСЕЛОВ, Н. КУДРЯВЦЕВ, А. ГЕЦЕЛЕВИЧ, И. ТОЙБИН, И. АКУЛОВ, Н. МЕЛЬНИЧУК; студенты, сталинские стипендиаты: Т. НЕРЕЗОВ, Б. ТРЕЙСТЕР, М. КЛОПОТОВА, Г. НЕСТЕРЕНКО и другие.

ПОЛОЖИТЬ ПРЕДЕЛ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ!

С чувством большого волнения следим мы за сообщениями газет и радио о том, что в Греции с каждым днем все усиливаются гонения на демократов и проводятся массовые казни греческих патриотов, активно боровшихся против немецко-фашистских захватчиков. Эти преступные деяния греческого правительства вызывают у нас, советских людей, горячее возмущение. Греческие монархо-фашистские заправилы нарушают самые элементарные правила цивилизованного мира, устраивая массовые казни честных и мужественных людей, которые добивались элементарных демократических свобод, гражданских прав для всех греков. Но стремления к свободе не задушить смертными казнями!

Греческие монархисты возродили и безнаказанно проводят в жизнь проклятый всем человечеством режим гитлеровских нацистов.

Мы подымаем свой голос в защиту греческих патриотов, наших верных друзей по оружию, помогавших нам разгромить гитлеровскую Германию, и требуем их немедленного освобождения из фашистских застенков. Мы требуем, чтобы палачей греческого народа покарало суровое и справедливое возмездие.

Работники - орденоносцы Глушковской МТС: П. МУХИН—директор, И. ДАНИЛЬЧЕНКО, И. ГАЛЬЧЕНКО, П. ИГНАТЕНКО — бригадиры, А. КОРОБЧЕНКО—механик, А. МОЛЧАНОВ, А. СПИЧА—трактористы.

НАРОДЫ, БОРЮЩИЕСЯ ЗА СВОБОДУ, НЕПОБЕДИМЫ

Казни и расправы в Греции приняли неслыханные размеры. Сейчас мы узнали о новых злодеяниях, которые готовят правители-реакционеры в Греции. Они хотят казнить 1500 демократически настроенных греков.

Только авантюристы, случайно пришедшие к власти, способны на такую мерзость. Но им не сломить духа греческого народа, который героически сражался с немецко-фашистскими захватчиками. Народ, борющийся за свою свободу, непобедим.

Мы клеймим позором фашистскую антинародную политику греческого реакционного правительства и требуем немедленного освобождения из-под ареста всех греческих демократов.

По поручению рабочих механического цеха Старооскольского завода: МИРОШНИКОВ, КОЛЕСНИКОВ, НОВОСЕЛЬЦЕВ, ШАТОХИН.

★

НАШЕ ВОЗМУЩЕНИЕ ГЛУБОКО

Невозможно выразить словами то чувство, которое испытывает каждый советский человек, читая в газетах телеграммы о зверствах греческих фашистов. Только за несколько дней мая казнено 200 человек! Расстреляны люди, которые, не щадя своей жизни, боролись с немецкими оккупантами.

Монархическая Греция стала сплошным концентрационным лагерем: в заключении находятся 70 тысяч человек, в том числе много женщин и стариков. За два года расстреляно свыше 10 тысяч человек только за то, что они были антифашистами, боролись за свободу и независимость своей родины.

Мир не потерпит этих злодеяний греческих гангстеров! Все передовое и прогрессивное человечество требует: обуздать греческих монархо-фашистов! Мы горячо одобряем заявление Советского правительства, выразившего чувство негодования всей советской общественности.

С. ВНУКОВ—директор завода «Счетмаш», А. ГЕРМАНЕНКО—секретарь партбюро, В. ПОНОМАРЕНКО —начальник сборочного цеха, П. БОЕВ, Е. САДРОВ, П. РОСЛЯКОВ, А. СИДОРЕНКО—стахановцы завода «Счетмаш».

—о—

Мы протестуем!

Чувство глубокой скорби и возмущения охватывает нас, советских женщин, когда мы слышим, что в Греции расстреливают людей, боровшихся с фашизмом в самое тяжелое время войны.

Три года прошло с тех пор, как разгромлен немецкий фашизм. Народы Советского Союза и демократических стран, отстоявшие дорогой ценой свою свободу и независимость, уже давно заняты мирным созидательным трудом. Только в многострадальной Греции трудящиеся, истекая кровью, до сих пор борются за свое освобождение.

Монархо-фашистское правительство, захватив в руки власть с помощью иностранных штыков, пытается задушить все демократические завоевания народа. Оно расстреливает греческих патриотов, истинных борцов за свободу и демократию. Эти бессмысленные кровавые расправы можно сравнить лишь со зверствами немецких фашистов.

Мы, советские люди, высоко чтим патриотизм греческого народа, потому что мы сами безгранично любим свою Родину. Мы протестуем против убийств невинных и требуем остановить кровавую расправу реакционеров над борцами за свободу Греции!

В. РОМАНЕНКО—председатель уличного комитета, К. ДРЮЧИНА, К. БОРОВСКАЯ — члены уличного комитета, Т. ШИШЛОВА, П. ЕВДОКИМОВА, М. ГЛЕБОВА, Д. ГУЛЯЕВА, В. КЛИМОВА—члены добровольной строительной бригады женщин-домохозяек, З. ПЕХАСИК, М. РОЖКОВА — общественные санинструкторы, З. ЛАЗАРЕНКО — учительница-пенсионерка, А. ДОЦЕНКО, З. ХМЕЛЕВСКАЯ, А. КРАСИЛЬНИКОВА — домохозяйки-активистки уличного комитета ул. Димитрова г. Курска.

Обсуждаем статью „Поговорим о районном работнике"

О бюджете времени

Однажды меня попросили зайти в райком партии. Беседа по «Краткому курсу истории ВКП(б)» возникла неожиданно. Неожиданными для меня оказались и ее результаты. Я испытывал чувство неловкости перед товарищами, принимавшими участие в беседе. Ведь все считали (так думал и я сам), что я много работаю над собой, повышаю свою квалификацию. Мне оказали доверие—выдвинули на ответственный пост. И вот оказалось, что знания мои случайные, поверхностные. Я понял, что по-настоящему еще не учился, а попытки от случая к случаю сесть за книгу нельзя считать серьезной учебой.

У меня среднее техническое образование. Когда-то я готовился к поступлению в вуз, но помешала война. Однако я и на фронте по укоренившейся привычке не расставался с книгой. Полностью прочел «Войну и мир» Толстого, читал Горького, Лескова, Байрона, Маяковского. Тогда же прочитал и «Краткий курс истории ВКП(б)». Но простого чтения, как оказалось, далеко недостаточно.

Недавно мы, группа районных работников, беседовали по поводу статьи «Поговорим о районном работнике», опубликованной в «Курской правде». Я серьезно задумался над причиной своего недавнего конфуза. Помню, я даже во время войны читал больше, чем теперь. Не всегда мне удается сейчас вовремя прочитать даже газету или журнал. «Куда уходит наше время?» — спрашивали мы друг друга.

Я высказал упрек по адресу руководящих районных работников. Часто они не жалеют ни своего, ни чужого времени. Мы еще не научились беречь время, экономить его, как экономят ценный, остродефицитний материал.

Взять к примеру наши многочисленные заседания и совещания. Как правило, они начинаются с большим опозданием, тянутся долго. Пока идет обсуждение какого-либо одного вопроса, десятки людей, вызванных по другим, бесцельно бродят по коридорам. А почему бы не указать точно, в какое время следует прибыть тому или иному товарищу? Порой у нас не задумываются и над повесткой дня. А часто в ней стоят такие вопросы, которые попусту отнимают драгоценное время.

Помню, мы однажды обсуждали на заседании исполкома райсовета семь или восемь вопросов. Среди них были такие, как распределение лесоматериалов на сельское строительство, предоставление очередных отпусков и другие вопросы, которые с успехом можно было решить в рабочем порядке, не вынося на заседание исполкома. Таких примеров немало.

Рационально ли мы используем рабочий день в учреждении? Тоже нет. Многих работников, в том числе и меня, отвлекают для всяких мелочей. То вовут в кабинет, чтобы «согласовать», «уточнить», «выяснить», «дать справку» или «подготовить сводку», то собирают на непредвиденное совещание. Приходится на работу выходить не в 9, а в 8 часов, засиживаться до 9 часов вечера. Время, которое использовал бы на чтение и учебу, тратишь на то, чтобы «подогнать дела» по службе.

Однако и остальное время часто также растрачивается нерационально. Но поднимали ли когда-либо у нас в районе вопрос о разумном его использовании? К сожалению, нет. Почему бы не поставить хороший доклад или лекцию об организации труда районного работника, о планировании использования времени? Почему бы не обменяться опытом по этому вопросу?

У нас, в частности, неплохо работает заведующая отделом народного образования А. М. Горбачева. Она окончила два факультета и продолжает упорно совершенствовать свои знания. Личное время ее, как и других работников, ограничено, но она строго его учитывает, знает, когда и сколько времени она может отвести на чтение книг и газет, в какой день будет заниматься домашними делами. О том, как организован ее рабочий день, многие послушали бы с удовольствием.

Хочется сказать и о другом. После демобилизации в 1946 году меня трижды перемещали с одной работы на другую. Восемь месяцев я работал инструктором торготдела. Стремился серьезно изучить вопросы советской торговли. Но как только ознакомился с делом, меня назначили инструктором отдела кадров райкома партии. Здесь я поработал недолго — дали новое назначение. Расходуя время на овладение деловой квалификацией, иногда спрашиваешь себя: а надолго ли это тебе пригодится?

Пора бы подумать над всеми этими вопросами, создать условия для расширения политического и культурного кругозора районных работников.

П. АБРАМЕНКО,
секретарь Ивнянского райсовета депутатов трудящихся.

Нова

Поклонники Моргана всполошились

Н. ВОРОБЬЕВ

Зимой 1929 года в Ленинграде проходил Всесоюзный с'езд генетиков. На трибуну поднялся человек лет тридцати, худощавый, с непокорными волосами, спадающими на лоб, в белой расшитой косоворотке. В одной руке он держал колосья золотистого цвета, в другой—маленькие пакетики, наполненные зерном. Председатель с'езда, позвонив в колокольчик, обратился к делегатам:

— Агроном Кировабадской опытной станции желает поделиться своими соображениями. Прошу минуту внимания!

Зал насторожился.

Какие могут быть особые соображения у этого провинциального агронома в высоких яловых сапогах? Впервые выступал он в такой необычной обстановке. Но речь его с каждой минутой становилась все ярче и логичнее.

— Я пришел к выводу, — говорил он, — что между озимостью и яровостью культур не существует резкой границы. Достаточно изменить внешние условия, чтобы озимая пшеница стала яровой, а яровая — озимой.

Это заявление молодого делегата звучало дерзко. Участникам с'езда не приходилось слышать подобного утверждения. Если верить словам этого агронома, то надо отбросить все законы генетики, созданные в течение десятилетий.

В те годы в биологической науке большой популярностью пользовалась реакционная теория американского профессора Моргана. Сторонники его школы утверждали, что каждому внешнему признаку организма соответствует свой внутренний задаток — ген, который остается неизменным во веки веков. Сумма генов, доказывали они, составляет наследственный генофонд организма, заложенный раз и навсегда в определенных количествах.

Кто же посмел посягнуть на незыблемые основы генетики? Это был неизвестный еще тогда агроном Лысенко, начинавший свои первые шаги по переделке природы растений.

В перерыве один из поклонников моргановской идеи подошел к Лысенко и высокомерно бросил ему:

— Не советую, молодой человек, выставлять себя на посмешище. Все ваши доводы рассыплются впрах, если подобные опыты поставить в другой обстановке.

Равнодушие делегатов с'езда не расхолодило агронома-энтузиаста. Он сам решил проверить свои опыты «в другой обстановке». Местом для этого Лысенко избрал село Карловку на Полтавщине, где он родился. Расстояние от Кировабада — огромное, разница в климате и почве —тоже. Подтвердятся ли выводы в новых условиях?

Чудо в Карловке

В колхозе «Карловка» заведывал хатой-лабораторией Денис Лысенко—родной отец агрономановатора. Сын посоветовал ему подержать семена озимой пшеницы на холоде и затем высеять их весной, а не осенью, как обычно. Старик немало был удивлен, но все же послушался, хотя и не верил, что может получиться из этого что-нибудь путное.

—Зеленеть будет, а колос не даст, тем и окончится твоя затея,—ворчал он, помешивая пшеницу на зимнем сквозняке. —Вспомни Остапа Полубабченко. Шарахнул озимку по весне и сидел год без хлеба—не выколосилась.

—У Остапа ошибка была, у меня—опыт. Это вещи разные.

—Разные с под'ездов, а выезд один будет!

Опыт не пришелся отцу по душе. Однако он выполнил все процедуры, предписанные сыном. Пришла весна. «Охлажденную» озимку посеяли и стали наблюдать—что будет?

К удивлению карловцев, свершилось чудо: пшеница «переродилась». Она повела себя точь-в-точь, как яровая. Взошла, зазеленела, выбросила колос и... дала урожай.

Пшеница уходит от суховеев

А что произойдет с яровой пшеницей, если ее семена подвергнуть какому-нибудь воздействию? Скажем, смочить водой и рассыпать небольшим слоем под навесом?

Зерна, конечно, набухнут и наклюнутся.

Положите такие зерна в землю и проследите за ними. Для наглядности посейте рядом сухие зерна пшеницы—в одно время, одинаковым способом. И вы увидите, что набухшие семена дадут всходы дружнее и раньше, чем сухие.

Посевы их сильнее раскустятся, выметают крупный колос и быстрее созреют.

К такому выводу пришли в Карловке, что на Полтавщине, в Становом Колодце под Орлом, в Рыльске на реке Сейм, в Пугачеве на левом берегу Волги—всюду, где ставились опыты по совету Лысенко.

Через год опыт повторили уже сотни колхозов, а еще через год—тысячи.

Так родился новый прием в земледелии—яровизация.

Ныне этот прием известен любому колхознику.

Тайна картофельного недуга

Все родится на южных черноземах!

Зеленеют нивы, цветут сады, плодоносят виноградники. Наливаются соком арбузы, дыни, баклажаны, томаты, кабачки... Всего не перечесть.

Картофель же не родится.

Ни в степи, ни на усадьбе, ни в огороде. Не родится без полива, не родится с поливом. Ничто не помогает.

Посади клубень хоть с голову —соберешь мелочь, щуплую, морщинистую.

Брали один и тот же сорт, сажали под Москвой, в Сибири, за Полярным кругом, на Гомельщине—везде собирали тучные урожаи. Пробовали на юге — не получалось.

Каждый год из северных районов Союза на Кубань и Дон, на Украину и в Среднюю Азию шли эшелоны с посадочным картофелем. Но урожаи не поднимались, северный картофель быстро утрачивал свои ценные качества.

— Вырождается, — говорили крестьяне.

— Жирной земли не любит, — заключали агрономы.

А генетики рассуждали так:

— Знойный климат расстраивает связь между генами и внешними признаками. Верните картофель на север, и связь восстановится!

По-иному подошел к этому вопросу Лысенко. Он установил, что «вырождение» картофеля связано с внешними условиями юга. В самом деле, разве ярославское лето похоже на кубанское, или московское на одесское? На севере лето нежаркое, образование клубней идет при умеренной температуре. В южной же зоне этот процесс совпадает с наступлением самого знойного периода. Значит, недуги картофеля надо «лечить» умеренным теплом.

Сравнивая тепловой режим севера и юга, Лысенко установил, что московское лето по температуре равно началу осени под Одессой. Так нельзя ли перенести образование клубней на осень? Но как это сделать? Не посадишь же картофель в июле!

— А что если попытаться?

Подготовили пробные полгектара недалеко от Одессы. Колхозники Одессщины молотили ярь, а Лысенко со своими помощниками сажал картофель. Жара, в небе ни облачка,—неужели выстоит? Да будь что будет! Ради науки же делается.

Зацвел картофель в конце августа. Ночи стали прохладными, да и дневная жара заметно убыла. Появилась завязь, начался рост клубней.

В октябре стали подпахивать первую грядку и—ахнули. За лемехом выворачивались крупные, увесистые клубни. Точь-в-точь, как московские, белорусские, сибирские, ленинградские.

Тайна картофельного недуга была раскрыта.

Сейчас летние посадки картофеля стали обычным явлением на юге. И никто уже не говорит теперь о вырождении клубней.

Наперекор сибирской стуже

Сибирь. Степная даль без конца, без края. Ни холма, ни кургана, какими богата среднерусская полоса. Равнина от горизонта до горизонта.

Подует августовский ветер, и заволнуется безбрежный океан пшеницы, зашелестят золотые колосья.

И горячая же бывает жатва в Сибири! Весь пшеничный массив поспевает в одно время. Денно и нощно надо трудиться в поле, чтоб колос не осыпался.

Будь тут пшеница двух видов—яровая и озимая,—такого напряжения не было бы. Но нет озимой пшеницы в Сибири, не выносит она сибирской стужи. Пытались сеять ее не однажды, но ничего не получалось. Всякий раз пшеница вымерзала до последнего стебелька. Удавалась разве в подтаежных районах, на полях, окаймленных лесами; в открытой же степи пшеница погибала начисто.

И сеют сибиряки из года в год одну ярицу...

Что же губит озимку в Сибири? Морозы? Студеные ветры? Оледенелая почва?

Лысенко решил найти ответ на эти вопросы.

Однажды ему удалось наблюдать любопытное явление. Колхозники сеяли озимую пшеницу по чистому паровому полю. Рядом было жнивье яровой пшеницы. Сеялка на поворотах заходила на жнивье и роняла там несколько зерен. Весной обнаружилась такая картина: в пару не уцелело от мороза ни одного корешка, а в стерне пшеница раскустилась и принесла урожай. Это натолкнуло Лысенко на мысль изменить агротехнику озимой пшеницы в сибирской степи.

В годы войны Лысенко поставил на ноги научные учреждения города Омска, привлек передовые колхозы, агрономов. Посеяли пшеницу на паровых полях и по стерне. Сеяли в одно время и одинаковым способом — дисковой сеялкой. И что же? На парах пшеница погибла, на стерне дала богатый урожай.

Случай небывалый в агрономической практике. Как об'яснить его? Какое дать ему толкование?

Ответил Лысенко и на этот вопрос. Ответил научно, обстоятельно, доходчиво.

Рыхлая паровая земля накопляет в себе огромное количество влаги. Зимой вода в почве превращается в кристаллы льда. А, как известно, при замерзании вода увеличивается в об'еме. В результате верхний слой почвы растрескивается по всем направлениям и обрывает корни пшеницы.

Но это не все.

Повреждается и надземная часть растений. С паровых полей снег сдувается сильными ветрами. Большую часть зимы посевы остаются оголенными. Хрупкие от мороза листья ломаются на ветру, рассекаются оледенелыми песчинками, гонимыми ветром. Приходит весна, и растения оказываются мертвыми.

Иная картина на поле со стерней. Плотная, непаханная почва не дает трещин, ибо в ней меньше образуется кристаллов льда. Значит, корни пшеницы не повреждаются. Далее. Стерня служит молодым растениям защитой от механических повреждений и средством задержания снега. На стерневых посевах с первых же дней зимы устанавливается ровный снеговой покров. И пшеница прекрасно переносит сибирскую стужу.

Это открытие проверено уже многими колхозами Сибири и Северного Казахстана. Скоро озимая пшеница зашумит спелым колосом по всей необ'ятной степи.

Новое побеждает

Один профессор *) начинал свою вводную лекцию по генетике таким интригующим повествованием:

— У входа в Кэмбриджский университет стоит небольшой, но занимательный памятник. На постаменте из розового лабрадора посажена лягушка с распоротым животом и выпученными глазами. Сей монумент воздвигнут в память великим открытиям биологов девятнадцатого века. Можно не сомневаться, что двадцатый век обогатится памятником мухе «дрозофиле», послужившей классическим об'ектом для экспериментальной генетики.

С этими словами профессор открывал стеклянную баночку и показывал студентам мушку величиной с булавочную головку.

Мушки у него были четырех сортов: с красными глазами и слюдяными глазами, с длинными крыльями и короткими крыльями. Профессор скрещивал их между собой, добиваясь соединения этих признаков попарно. Он хотел, чтобы красноглазая муха имела длинные крылья, а та, что со слюдяными глазами,—короткие. Но выходила какая-то чересполосица: один глаз красный, а другой слюдяной, одно крыло длинное, другое короткое. Выводилось поколение за поколением, лаборатория гудела, как улей, но желанных вариантов не получалось.

Возвращались студенты с практики. Рассказывали профессору о новой агротехнике, о яровизации семян, о летних посадках картофеля, стадийном развитии растений, чеканке хлопчатника. Они восхищались открытиями академика Лысенко и, как будущие агрономы, видели благодатную почву для своей практической деятельности.

Профессор хмурился:

— Это не имеет отношения к науке.

Но становилось все очевиднее, что в советской стране мало найдется простаков, которые поддерживали бы «науку» Моргана и его приверженцев. И профессор начал искать сочувствия за океаном.

Американский реакционный журнал с большой любезностью раскрыл перед ним свои страницы. Для него это была сущая находка. Профессор очернил советскую биологию и ее выдающегося представителя академика Трофима Денисовича Лысенко.

Общественность нашей страны дала достойную отповедь морганисту, преклоняющему свои колена перед буржуазной наукой. Газета «Правда» 2 сентября 1947 года перед всем миром разоблачила этот антипатриотический поступок.

Советский народ безошибочно отличает злаки от сорняков. Он бережно лелеет доброе семя и беспощадно уничтожает худую траву.

Никакому схоласту не вырастить чертополоха на нашей научной ниве.

Новое побеждает!

* * *

На сапогах у Лысенко дорожная пыль.

Длинный путь прошел он от агронома до президента главного штаба сельскохозяйственной науки. И на всем пути его не покидало чувство нового—это драгоценное качество советского человека, большевика.

Москва.

*) Речь идет о профессоре А. Р. Жебраке.